

«ЗЕРКАЛО»
в
«ЗЕРКАЛО»
заглянуло..

доктор филологических наук, профессор Игорь ШАЙТАНОВ

трудно быть Шекспиром

Название телепрограммы хочется переинчить: как трудно быть не Шекспиром. Гениальному англичанину, драматургу и аналитику, был открыт ход истории, течение времен. Из этого материала он формировал свои трагедии. Нам выпало наблюдать, как нынешняя Россия стала ареной, где шекспировские сюжеты разыгрываются не только на театральных подмостках, но и на всех ее бескрайних просторах. Наблюдать и не понимать: что происходит? Отсюда огромный, жадный интерес к Шекспиру, особая надоба в нем. Почему Шекспир пришелся так ко двору в России - наш разговор с доктором филологических наук, профессором Российского государственного гуманитарного университета, президентом Российской ассоциации преподавателей английского языка и литературы, президентом ассоциации по изучению Британии, созданной Британским советом, Игорем ШАЙТАНОВЫМ.

- Игорь Олегович, трудно быть шекспироведом?

- Знаете, я очень не люблю эти клановые обозначения: пушкинисты, толстовцы, шекспироведы... Но что бы я ни читал, чем бы ни занимался, а писал я о многих писателях; всегда были два, о которых очень долго не писал, хотя всегда считал, что занимаюсь прежде всего ими. Это Шекспир и Пушкин. Долго не решался о них писать, потому что когда о них пишешь, хочется иметь что-то безусловно не скаженное.

- «Наш современник Вильям Шекспир» назвал свою книгу режиссер Григорий Козинцев, поставивший фильмы «Гамлет» и «Король Лир». Что из Шекспира наиболее созвучно нашему времени?

- У Шекспира есть огромное количество умных мыслей, которые из него черпаем. Я люблю повторять старый анекдот об англичанине, который дождался до преклонного возраста, не прочитав Шекспира. Наконец его уговорили, он прочел и сказал: «А что особенного? Сборник всем известных цитат!»

- Как наш Грибоедов или как Билья...»

- Именно так. У них есть три текста, которые сыграли формирующую роль для английского культурного языка: Библия, Шекспир и писатель, у нас мало известный, Джон Беньян с его книгой «Путь паломника». Весь Шекспир растаскан на цитаты. Возьмите названия знаменитых романов - «Пироги и пиво» Мэджа - цитата из «Двенадцатой ночи», «Шум и ярость» Фолкнера из «Макбета», «Зима тревоги нашей» Стейнбека - из «Ричарда III».

- А самая ходовая сейчас цитата - «Весь мир - театр, и люди в нем актеры».

- Эта фраза ключевая не только для Шекспира, но и для всей эпохи. Они, действительно, ощущали историю как выход на сцену облеченные властью сил и желающих властвовать героями, которые начинают бороться за власть.

Все мы играем. Об этом есть замечательный монолог у Жака-меланхолика в «Как вам это понравится». Мы все играем несколько возрастов: сначала - роль ребенка, взрослая - солдата, умудренного мужа, потом снова ребенка. И этим все кончается, наше пребывание на земле.

- Вы замечательно помянули о чувстве истории, об особом контакте с ней. Почему мы продолжаем жить по мандельштамовской формуле «живем, под собою не чуя страны». Такое ощущение, что в ХХ веке у России украли историю, восстановить которую не могут даже специалисты. Что с нами случилось?

- Здесь несколько очень важных вещей. В концовке первого акта «Гамлета» в са-

мом знаменитом русском переводе звучит: «Распалась связь времен». У Шекспира сказано точнее: «The Time is out of joint» - «время вышло из пазов», «время вышло из суставов». Либо плотницкая, либо медицинская метафоры.

Бывают моменты, когда время выходит из пазов. Но самое ужасное для Гамлета не это, а то, что он ощущает себя рожденным вправить вывихнутое время. Гамлет уже человек нашего сознания, когда ясно, что в одиночку это сделать совершенно невозможно. Каждый ответственен, но даже великий человек в одиночку вывихнутое время не вправит.

Есть и вторая проблема. Один человек не может. Что же может человеческая масса? Шекспир гениально действует с полным ощущением опасности массы, ее величия и того, что все, что делается великими людьми в истории, в конце концов проверяется на массе. И в то же время он очень боится тех моментов, когда масса непосредственно вовлечена в историю, потому что знает, как легко масса становится орудием в руках опытного демагога. Гениальна в политическом отношении самая проницательная сцена в «Юлии Цезаре», когда Марк Антоний приходит проститься с телом убитого Цезаря, толпа готова расстегнать его. Когда он кончает свой монолог, она бросается громить дома заговорщиков. Опытный демагог за один монолог перегрел массу.

Когда у нас только начались чеченские события, я что-то записывал на радио «Эхо Москвы». Вдруг подходит редактор и просит: «Скажите несколько слов о Шекспире, о его хрониках в связи с чеченскими событиями». Запись, наушники, четыре минуты. Я начал говорить о финале «Генриха IV», о том, почему принц, ставший королем Генрихом V, изгоняет Фальстафа, друга юности и воплощение народного фона. У Шекспира всегда было ощущение, насколько важно охватить народную жизнь формой государственности. И насколько трудно это сделать, т.к. народная жизнь сопротивляется этой форме государственности. И это трудно, но надо сделать, хотя безболезненно сделать нельзя. Нужно найти, создать эту органическую форму государственности, которая бы соединилась с формой народности. Шекспир видел это в возможности найти идеального монарха, который бы предварительно прошел через народный фон, как принц Генрих через дружбу с Фальстафом, но, став королем, отставил его. «Поди - исправься».

- Вы считаете, что чеченской стихии нашими государственниками не найдена была адекватная форма?

- Совершенно верно. Если мы хотим существовать в рамках этого огромного государства, надо не избивать и уничтожать кого-то, а искать необычайно гибкую форму государственной жизни. Иначе, вне ее,

повторяю об этом вслед за Шекспиром, будет страшная трагедия народного бунта.

- Шекспир стал самым репертуарным автором в нынешней России и оттого, что угадывал, предчувствовал эти вечные сюжеты и коллизии?

- Он стал основой европейского репертуара двести лет назад, и сейчас его не ставят больше, чем в конце XIX века. Он просто стоит у истоков нашего времени и как бы зафиксировал все человеческие ситуации, которые мы продолжаем проигрывать. Я не знаю, есть ли у нас в культуре, в политике ситуации, которые им не зафиксированы. Шекспир смоделировал все.

- Этой весной Вологодский драматический театр обещает закончить сезон премьерой «Ричарда III». Реальная жизнь и безжалостное телевидение приучили нас к восприятию чудовищных преступлений, злодействий, для которых нет и не пытаются найти юридического исхода: найти, судить, наказать. Мы привыкли к существованию тотального, неукротимого зла. Что «Ричард III» сможет привнести в эту ситуацию?

- Для Шекспира Ричард - доказательство того, что зло не прагматично. Делая зло, политик не достигает результата. Шекспир в это верил, в отличие от Никколо Макиавелли, с «Государем» которого спорил. Макиавелли полагал, что цель оправдывает средства и что великая цель достигается любыми средствами, если они дурные - надо пройти и через это. Зато цель будет замечательна.

А Шекспир полагал, и «Ричардом» пытался это доказать, что если средства плохи, то цели политику просто не достичь. Он до власти, может быть, и доберется, но все равно не удержится. В этом смысле очень интересен спектакль вахтанговского театра с Михаилом Ульяновым в главной роли. Они сместили акценты и сделали Ричарда доказательством другого тезиса. Доказательством того, что великое зло не делает человека великим. Можно творить много зла и оставаться при этом мелким негодяем. У Шекспира это совсем не так. У него Ричард - фигура крупная, великая.

- «Ромео и Джульетта» дважды за последнее время ставилась в Вологде. В традиционной манере - в драматическом театре, в авангардном духе - в театре для детей и молодежи. Последняя версия показалась мне скорее спектаклем о неспособности любить. Такой смысловой переворот спектакль о нелюбви - заложен в пьесу или он вычитан нами произвольно?

- Очень жалею, что не видел вологодских шекспировских спектаклей. Но о том, о чем вы говорите, о нелюбви, Шекспир просто написал другую пьесу - «Троил и Кressida». В ней та же ситуация: молодые, прекрасные - среди двух враждующих ла-

герей Троянской войны. Он написал о том, как все оказалось не любовью, а ее противоположностью. Шекспир проигрывал ситуации со знаком плюс и тут же давал ситуацию со знаком минус.

Один пример не из этой пьесы. У Шекспира четыре великие трагедии, три из которых называют тронными: «Гамлет», «Король Лир», «Макбет». Шекспир как бы разыграл три разных отношения к власти, к трону. Гамлет - принц, имеющий право на власть, которое ему как бы закрыли, пресекли, и который не хочет внутренне занять трон. Король Лир - король на троне не хочет больше оставаться королем. Макбет - великий человек, по размаху личности имеющий право на трон, не имеет права законного и захватывает его незаконно. Дальше идет проверка: что тогда произойдет с личностью? Если она переступает через все человеческие запреты.

- Лев Толстой не принимал «Короля Лира», считал его неправдоподобным.

- Это гениально откомментировал один из лучших Лиров XX века Соломон Михоэлс, заметив: «А сам-то что сделал?» На старости лет, бросив дом, семью, ушел в степь и умер где-то на полустанке. Совершенно, как король Лир. Несколько раз повторял: так не бывает - и повторил судьбу. Естественно, что Толстой с его диалектикой души не мог принять других принципов психологизма, вывернутых в метафору, в сценический жест. У Шекспира просто все другое. Но жизненный шекспировский психологизм, как понимание человека, оказался необычайно устойчивым и себя оправдал.

- «Король Лир» по-особому востребован нашим временем, в котором тоже «слепых ведут безумцы». Что открывается становливается через эту пьесу для нас, нынешних?

- В последних трагедиях Шекспира, в «Лире» и «Макбете», мрачные и тяжелые финалы отчаяния остаются внутри возможностей своего времени. Трагедия безвыходна в данных условиях. Но это не безвыходность человеческая вообще, а безвыходность данной человеческой ситуации, в которой хода нет. Не случайно, что Шекспир завершает не бурей в «Лире», а пьесой «Буря». Это очень показательно для него. Он не мог остановиться на этой ноте демонстрации того, что случилось с человеком, он должен был показать, что человеческое продолжает себя осуществлять и смертью Лира и Корделии мир не кончится. Лир хотел быть просто человеком, мы знаем, что с ним произошло. Просперо из «Бури» настаивает, что надо быть человеком. В человеке есть свое величие, непреходящее, на все времена.

- В одном из недавних выпусков телевизионного «Взгляда» талантливый санкт-петербургский режиссер Алексей Балабанов, рассказывая о работе над новым фильмом «Брат», заметил, что поменялось само содержание слова «брать». В старой России оно было ключевым наряду с «мать, отец». Сейчас пьяному на улице кричат: «Эй, брат!» Вам не кажется, что в «Лире» Шекспиром угадана утрата людьми их родовых связей? Старших дочерей короля связывает между собой ненависть, а вся семейная ситуация в некоролевских вариантах повторяется в жизни постоянно. Нет родства?

- О перерождении самых близких, высоких понятий замечательно сказано в «Макбете». Вещие сестры-ведьмы исполняют песню с очень простым и абсолютно непереводимым на русский язык припевом: «Fair is foul, and foul is fair!» «Прекрасное ужасно, ужасное прекрасно». Fair и foul - ключевые для Шекспира понятия. Их иногда пытаются перевести как добро и зло. Но никто из русских переводчиков не делает главного. Когда вещие сестры-ведьмы исчезают со сцены, появляется Макбет со словами «So fair and foul a day I have not seen!» («Такого прекрасного и ужасного дня я не видел»), и вы сразу понимаете, что сказанное этими фантастическими существами родилось в душе Макбета. Фантастика как бы овещает то, что глубоко спрятано в человеке. У Шекспира это обычный прием психологического показа души. Самое страшное, что произошло в поздних трагедиях Шекспира, - то, что самое прекрасное становится самым ужасным. Посмотрите на финал «Макбета». Наказан, убит злодей Макбет - всеобщее ликование? Напротив - как бы всеобщий мрак, потому что ничего столь же прекрасного и равного Макбету нет и не может быть. Прекрасный человек стал исчадием ада. Самое близкое родство, любовь превращаются в свою противоположность.

- «Вся суть так называемых вечных, неизменных ценностей культуры как раз в том, что они обладают возможностью постоянно современного, изменяющегося отношения к ним (содержание)», - писал Григорий Козинцев в своих рабочих тетрадях. - Они обладают перманентно трансформирующими содержанием».

Пьесы Шекспира - лучшее тому подтверждение. Игорь Шайтанов читал лекции о Шекспире в Москве, Иркутске, Оксфорде, Шеффилде, Глазго. В конце января в зале Русского дома он прочтет их в Вологде. Шекспир в нашем стремительно меняющемся мире еще раз подтвердит, как трудно просто быть.

Наталия СЕРОВА.
Фото Вадима ШЕКУНА.